

Коллекция «ГАРФАНГ»
ЛИТЕРАТУРА БЕСПОКОЙНОГО ПРИСУТСТВИЯ

Эдгар Аллан По

*Сообщение
Артура Гордона Пима*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 84(4Вл)6-44

П 41

Коллекцию ведет

Евгений Головин

В издании коллекции участвуют

Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

П 41 По Эдгар Аллан

Сообщение Артура Гордона Пима / Пер. с англ.
К. Д. Бальмонта. — М.: Языки русской культуры,
2001.—336 с.: ил. — (Коллекция «Гарфанг»).

ISBN 5-7859-0210-9

Эдгар А. По (1809–1849) мифотворец, его творчество необходимо изучать. Особенно в техническую эпоху, лишенную мифа, лишенную воображения. Данный сборник содержит единственный его роман «Сообщение Артура Гордона Пима» и рассказ «Манускрипт, найденный в бутылке». Эти произведения исследуют область магической географии, неведомую и неподвластную научному прогрессу.

ББК 84(4Вл)6-44

ISBN 7859-0210-9

9 785785 902107 >

© Е. В. Головин. Послесловие, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

От редакции

Новые технические возможности значительно изменили процессы чтения и восприятия художественной литературы. Сейчас нет надобности, злоупотребляя мелким шрифтом, объяснять, пояснять, втолковывать читателю, кем являлось то или иное лицо, когда жил, страдал и наслаждался тот или иной общественный деятель, и чем карильон отличается от котильона. Компьютер всегда поможет любопытным. Более того, постепенно пропадает надобность издавать ровные ряды желтых или серых томов, называя это «классическим наследием». Жуткое выражение в применении к литературе. Книга любой эпохи, вновь изданная, должна быть новой книгой.

Представляя вниманию читателя единственный и вполне известный роман знаменитого Эдгара По в переводе знаменитого Константина Бальмонта, мы думали именно о новом прочтении книги. Поначалу перевод производит странное, порой шокирующее впечатление: масса архаизмов, старомодных даже для начала XX века грамматических оборотов, излишних вводных слов и предложений. По прочтении двадцати-тридцати страниц недоумение сглаживается, восприятие нормализуется. В чем же дело?

После революции реформа русского языка диктовалась экономией, скоростью, точностью, информативностью. Выбросили «лишние» буквы, архаизмы, славянизмы, церемонные обороты типа «до скорого свидания, сударь». Зачем все это? Можно ведь просто

бросить на прощание: «пока». Можно в целях скоростной экономии ввести чудовищные аббревиатуры. Язык превратился в «знаковую систему».

Соответственно насущным требованиям, задачи художественного перевода изменились. Появился новый стилистический метод: переводить следует, соблюдая точность эпитетов, избегая бесконечных «это» и «было», уклоняясь от громоздких союзных конструкций («для того, чтобы» и т. д.), и употребленных в данном предложении многочисленных деепричастных оборотов.

Константин Бальмонт, видимо, никуда не торопился и об экономной точности не заботился. Вместо «мы воспользовались тем...», он пишет: «Мы извлекли значительное подкрепление из того обстоятельства, что...» Сцена людоедства подытожена так: «Слова не имеют власти запечатлеть в уме изысканный ужас такой действительности». Интересно, не правда ли? Стиль Бальмонта далек от тоталитарного режима нового переводческого метода, но если понимать язык не как «знаковую систему», но как живой организм, подобный стиль очень даже неплох. Богатая, прихотливая, необычная лексика пробуждает внимание и размышление, поскольку Бальмонт часто использует термины из мореходных руководств XVIII—XIX веков: кормило, ветрило, сруб, скула, льяло. Но самое главное. Бальмонту удалось передать мистическую атмосферу книги, неотвратимый кошмар притяжения бездны.

Текст романа оставлен без изменений. Редакторская работа заключалась лишь в ректификации стай орфографии и пунктуации.

Сообщение
Артура Гордона Пима

Перевод с английского
К. Д. Бальмонта

СООБЩЕНИЕ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

подробности возмущения и жестокой резни на американском бриге «Грампус» в пути его к Южным морям, с рассказом о вторичном захвате корабля уцелевшими в живых; об их крушении и последующих ужасных страданиях от голода; о спасении их британской шхуной «Джэн Гай»; о кратком крейсеровании этого последнего судна в Полуденном океане; о захвате шхуны и избиении ее экипажа среди группы островов на 84 параллели южной широты; о невероятных приключениях и открытиях еще дальше на юг, к коим привело это прискорбное злополучие.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

По моем возвращении несколько месяцев тому назад в Соединенные Штаты после необычайного ряда приключений в Южных морях и иных местах, о чем я рассказываю на последующих страницах, случай свел меня с обществом нескольких джентль-

менов в Ричмонде, в Виргинии, и они, сильно заинтересовавшись всем касательно областей, которые я посетил, настойчиво убеждали меня, что мой долг предоставить повествование мое публике. Я имел, однако, причины уклоняться от этого — некоторые из них были совершенно личного характера и не касаются никого, кроме меня самого; но были еще причины и другого свойства. Одно соображение, удерживавшее меня, было таково: не ведя дневника в продолжение большей части времени, когда я был в отсутствии, я боялся, что не смогу написать по памяти рассказа столь подробного и связного, чтобы он имел вид той правды, которая была в нем в действительности, и выкажу только естественное неизбежное преувеличение, к которому склонен каждый из нас, описывая происшествия, имевшие могущественное влияние на возбуждение наших способностей воображения. Другая причина была та, что происшествия, которые должно было рассказать, по природе своей были столь положительно чудесны, что я, ввиду неподдержанности моих утверждений никакими доказательствами, как это поневоле должно было быть (кроме свидетельств одного индивидуума, и тот индеец смешанной крови), мог бы надеяться только на то, что мне поверят в моей семье и среди тех моих друзей, которые в продолжение целой жизни имели основание увериться в моей правдивости — но, по всей вероятности, большая публика стала бы смотреть на то, что я стал бы утверждать, просто как на наглую и простодушную выдумку. Недове-

рие к моим собственным способностям как писателя было со всем тем одной из главных причин, каковые мешали мне согласиться с уговариваниями моих советников.

Между теми джентльменами в Виргинии, которые выражали величайший интерес к моему рассказу, в особенности к той его части, которая относилась к Полуденному океану¹, был мистер По, недавно бывший издателем «Южного литературного вестника», ежемесячного журнала, печатаемого мистером Томасом В. Уайтом в городе Ричмонде. Он очень советовал, вместе с другими, теперь же приготовить полный рассказ о том, что я видел и пережил, и положиться на проницательность и здравый смысл публики — утверждая с полной правдоподобностью, что, несмотря на необработанность в чисто литературном отношении, с какой вышла бы в свет моя книга, самая ее неуклюжесть, ежели в ней есть таковая, придаст наибольшее вероятие тому, что ее примут за истину.

Несмотря на это увещание, я не мог настроить свой ум сделать так, как он мне советовал. Видя, что я не займусь этим, он предложил мне изложить своими собственными словами первую часть моих приключений по данным, сообщенным мною, и напечатать это в «Южном вестнике» *под видом вымысла*. Не имея против этого никаких возражений, я согласился, условившись только, что настоящее мое имя будет сохранено. Два выпуска мнимого вымысла появились последовательно в «Вестнике»,

---

¹ В подлиннике: Антарктический океан. — *Прим. ред.*

в январе и феврале (1837), и для того, чтобы на это смотрели действительно как на вымысел, имя мистера По приложено было к очеркам в оглавлении журнала.

То, как принята была эта *хитрость*, побудило меня, наконец, предпринять правильное составление и печатание упомянутых повествований, ибо я нашел, что, несмотря на вид вымысла, каковой был так находчиво придан той части моего отчета, которая появилась в «Вестнике» (без изменения или искажения хотя бы одного случая), публика совсем не была расположена принять это как выдумку, и несколько писем было послано по адресу мистера По, которые ясно свидетельствовали об убеждении читателей в противном. Отсюда я заключил, что события и случаи моего повествования были такого свойства, что сами в себе имели достаточную очевидность их собственной достоверности, и следовательно я мог мало опасаться насчет недоверия публики.

Теперь когда *все* начистоту сказано, сразу будет видно, на что из последующего я притязую как на мое собственное писание; и также будет понятно, что ни один случай не искажен в первых нескольких страницах, которые написаны мистером По. Даже тем читателям, которые не видали «Вестника», будет излишне указывать, где кончается его часть и начинается моя: разница в слоге будет вполне заметной.

А. Г. ПИМ
Нью-Йорк, июль, 1838

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мое имя Артур Гордон Пим. Мой отец был почтенным торговцем морскими материалами в Нантукете, где я родился. Дед мой по матери был стряпчим и хорошо вел дела, которых у него было достаточно. Он был счастлив во всем и совершил несколько удачных оборотов на акциях Эдгартонского нового банка, когда тот был только что основан. Этим способом и другими он скопил порядочную сумму денег. Ко мне он был привязан, как мне кажется, более чем к кому-либо другому на свете, и я рассчитывал унаследовать большую часть его состояния после его смерти. Когда я был в возрасте шести лет, он отдал меня в школу старого мистера Риккетса, джентльмена с одной лишь рукой и чудаческими манерами — он хорошо известен почти каждому, кто посетил Нью-Бедфорд. Я пробыл в его школе до шестнадцати лет и потом покинул его, чтобы перейти в школу мистера Э. Рональда, что на горе. Здесь я подружился с сыном мистера Барнарда, морского капитана, который обыкновенно совершал плавания на судах Ллойда и Реденбурга, — мистер Барнард также хорошо известен в Нью-Бедфорде, и я уверен, что у него

есть родственные связи в Эдгартоне. Его сына звали Августом, он почти на два года был старше меня. Он совершил плавание с отцом на китобойном судне «Джон Дональдсон» и всегда рассказывал мне о своих приключениях в южном Тихом океане. Часто я отправлялся вместе с ним к нему на дом и оставался там целый день, а иногда и всю ночь. Мы спали в одной постели, и он мог быть уверен, что я не засну почти до рассвета, если он будет рассказывать мне истории о туземцах острова Тиниана и других местах, которые он посетил во время своих путешествий. Под конец я не мог не быть захвачен тем, что он говорил, и мало-помалу чувствовал величайшее желание отправиться в море. У меня была парусная лодка, называвшаяся «Ариэль», стоимостью около семидесяти пяти долларов. Она имела полудек с каморкой и была оснащена на манер шлюпки — я забыл ее вместимость, но в ней могло бы поместиться до десяти человек без особой тесноты. На этой лодке мы имели обыкновение совершать безумнейшие в мире проделки; и когда я теперь о них думаю, мне кажется одним из величайших чудес, что я доныне нахожусь в живых.

Я расскажу одно из этих приключений как введение к более длинному и более серьезному повествованию. Однажды вечером у мистера Барнарда были гости, и мы оба, Август и я, порядочно выпили к концу вечера. Как обыкновенно в этих случаях, я предпочел разделить с ним его постель, нежели идти домой. Он уснул, как мне показалось, очень спокойно (было около часу, когда общество

разошлось), не сказав ни слова на свою любимую тему. Могло пройти около получаса, как мы были в постели, и я только что стал погружаться в дремоту, как вдруг он вскочил и поклялся страшной клятвой, что не будет спать ни из-за какого Артура Пима во всем христианском мире, когда дует такой великолепный ветер с юго-запада. Никогда в жизни я не был столь удивлен, не зная, что он разумел, и думая, что вина и крепкие напитки, которые он выпил, совершенно вывели его из себя. Он продолжал говорить очень спокойно; он знает, сказал он, что я думаю, будто он пьян, но он никогда в жизни не был более трезв. Он только устал, прибавил он, лежать в постели в такую чудесную ночь точно собака и был твердо намерен встать, одеться и выехать на лодке повеселиться. Вряд ли смогу я сказать, что овладело мной, но не успели слова эти вылететь из его уст, как я почувствовал дрожь величайшего возбуждения и удовольствия, и его сумасшедшая затея показалась мне одной из самых чудесных и разумнейших вещей в мире. Ветер переходил почти в бурю, и погода была очень холодная — это было в конце октября. Тем не менее я вскочил с постели в некоторого рода восхищении и сказал ему, что я так же смел, как и он, так же, как и он, устал лежать в постели точно собака и готов на всякую веселую выдумку и забаву, как и какой-нибудь Август Барнард в Нантукете.

Не теряя времени, мы оделись и бросились к лодке. Она была причалена у старой обветшалой при-